

Подсокольник

На горáх-ли, горáх-ли да на-й укатистых,
На крутых горах да на желты́х песка́х
Да там стоял шатёр нов белополотняной,
Тут стояли могуции бо́гатыри́,
Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
Да стольне Киев-град,
Да славной Киев-град,
Да стольнё-киевской.
Да во первы́х-то был здесь старóй коза́к,
Да стар козак да Илья Муромец,
Да Илья Муромец да сын Иванович.
Во вторых-ти был Добрыня Никитич млад,
Да как во третьих был Олёша Попович же,
Как ведь был Саксон да Колыбанович,
Как ведь было два брата, да два Суздальця,
Как ведь был с имá мужик с ими — Залешинен.
Как стояли они под городом тридцеть лет —
Не видали зверя прохожего
Да ясна сокола пролетучего.
Как на утре-то было нонь ранéшенько,
Да на светлóй зори да ранней утреннёй,
На воскате солнышка красного,
Как вставал-то стар со постелюшки,
Да-й умывалса он да ключевóй водой,
Утиралса полотёнышком он беленьким,
Да помолился Спасу он Превышному,
Да Божьей Матушки да Бо́городицы,
Выходил-то на улицу широкую,
Да он смотрел и здрел во все стороны.
Да посмотрел под сторону под летнюю —
Там стоят озёра всё глубокия,
Да пролегли-то лужка да все зелéнья;
Посмотрел под сторону да под западну —
Да там белеют церкви да все соборныя,
Да ищё слышно звоны колокольныя;

Посмотрел под сторону под сѣверну —
Да там не туценоцка, братцы́, затучила,
Да как не облако не нокатилоси:
Да как не в копотѣ, в тумане зверь бежит,
Да не знать — зверь бежит, да знать — сокол летит;
Да впереди-то бежит да серой волк,
Да позади бежит да вохрабейщина.
Да как Сокольник едет-потешаетця,
Да под конем Змея да извиваетце,
Да у коня хвост трубами завиваетце,
Да из ушей у коня да дым столбом валит,
Да как из глаз у коня искры сыплютси,
Из ноздрей у коня да пламѣ мецетця.
Да на правѣм плену да сидит млад ясѣн сокол,
А на левѣм плечу — да млада кречета.
Да голова у него — да как пивной котѣл,
Да как глаза у него — да как пивны чашѣ,
Да промежѣ ушѣми — каленѣ стрелѣ,
Да промежѣ глазѣми — пядь бумажныя,
Плечи была у его — косая сажѣнь,
Косая сажѣнь да ведь печатная.
Впереди сам стрелочку выстреливѣт,
А на подъезде стрелочку подхватывѣт,
До землѣ стрелѣ не выранивал,
Да к им на заставу не провѣртывал,
Проездивой дорожецьки не спрашивал,
А и сам из слов порѣту выхваляетця:
«Когда буду во гѣроде во Кѣеве,
Да самогѣ князѣ я головѣ срублю,
А кнегину Апраксею за себя возьмѣ,
Да малых детоцек да тех конѣм стопцу,
Да уж ведь Божѣи церкви те под дым спуцу,
Да чѣдны ѣбразы все копѣем повѣколю!»
(Разорить хочет!)
Забегѣл тут стар да во белѣй шатѣр.
Да не успел он слова нѣнь провымолвить —
Да пролетела поленица зла-удѣлая.
Да говорит тут стар да таково слово:
«Да не докуль вам спать — да порѣ ставѣть!

Я уж был на улице широкой,
Я смотрел и зрел во все четыре стороны:
Посмотрел под сторону под летнюю —
Там стоят озёра все глубокия,
Да пролегли лужка да все зелёныи;
Посмотрел под сторону под западну —
Да там белеют церкви все соборныя,
Да еще слышны звоны колокольныи;
Посмотрел под сторону под северну —
Там не тученька, братцы, затуцилась,
Да как не облако да накотилоси:
В копоті, в тумане не знать — зверь бежит,
Да не знать — зверь бежит, не знать — сокол летит;
Да впереди-то бежит да ищѣ серый волк,
Позади бежит да вохрабейщина.
Да как Сокольник едет, потешаитце,
Да под конём Змея да извиваетце,
У коня хвост трубами завиваетця,
Как из ушей у коня да дым столбѣм валит,
Как из глаз у коня да искры сыплютса,
Да из ноздрей у коня да пламѣ мѣцитсе.
[Да на правѣм плечу да сидит млад ясѣн сокол,
А на левѣм плечу — да птица крѣчета.
Да голова у него — да как пивной котѣл,
Да как глаза у него — да как пивны чаші,
Да промежу ушами — каленá стрела,
Да промежѹ глазáми — пядь бумажныя,
Плеци были у его — косая сажѣнь,
Косая сажѣнь да ведь печатная.
Впереди сам стрелочку выстреливãт,
А на подъезди стрелочку подхватывãт,
До землі стрелѹ не выранивал,
Да к нам на заставу не провѣртывал,
Проездивой дорожецьки не спрашивал] —
Уж и сам порãту выхваляетця:
«Да когда буду во городе во Кieve,
Сãмого князã головѹ срублю,
Да как кнегину Апраксею за себя возьмѹ,
Да малых детоцек — тех конѣм стопцю,

Уж ведь Божьи церкви все под дым спущу,
Да чудны́ образы копьём повыколю!»
Да кого послать да позади за ей?
Да послать-то Олёшу ведь Поповиця —
Да тот вить порáту загрезовый был:
Забредёт Олёша не в свою ровню —
Да потерят Олёша буйну голову.
Как послать Саксона Колыбановых —
Да уж тот ведь родов-то все соньливых:
Он ведь лёгет спать — да нонь забудёт встать.
Как послать Добрынюшку Никитиця —
Да как умёт Добрыня в поле съехаться,
Да как умёт Добрыня прирозъехаться,
Да как умёт Добрыня паленицы цесь воздать!»
Говорит Добрыня таково́ слово:
«Да уж едет ведь палениця — уж ведь не мне цетá,
Да как не мне цетá и не мне верста́,
Мне уж с им не супротивиться!»
Как Добрыня стал да срезатися,
Стал срезатися да сподоблетися,
Надева́т-то латы он булатныи,
На шею кольцугу позолочену.
Да он берёт-то палицю железную,
Да он берёт-то сабельку вострую,
Да он берёт копьё то бурзамецкое,
Да он берёт ножи́що да чинжалищо.
Как обседыва́т ему да добра́ коня́,
Да кладут войлоцки, кладут на вóйлоцки,
Да кладут плотницки, кладут на плотницки,
Да двенадцеть пряж — через хребётницу,
Как тринадцета — церез могуцу степ.
Да это не ради басы́, а ради крепости:
Не оставил бы конь да на чистóм поли́!
Помолилса Спасу он Превышному,
Да Божьей Матушки да Боґородицы,
Да они дружка с дружкой распростилиси.
Только видели: да на коня скочил,
На коня скочил да в стремена вступил —
Да как не видели побежки лошадиныя,

Поездки боғатырския.

Да он и бьёт коня да по тучным бедрам:

«Да уж ты конь да конь — да лошадь добрая,

Да ты волчья сыть да травяной мешок!

Да догоняй того поганого Сокольника

До того до города до Киева,

Скаци — с шёлумя, скаци — на шёлумя,

Ты с крутых-то гор да на желты пески,

Да ты с желтых песков да на круты горы,

Быстры реценьки да не заставляй,

Да уж ты мелкий лес да между ног пусти!»

А Сокольник в поле уж шатается,

Не зная, кого он дожидается.

Как скрычал Добрыня громким голосом,

Зычным голосом да во всю голову.

Да он ведь он раз вскрычал, да он в другой вскрычал,

А на третий раз Сокольник коня сдержал.

Да засвистел Сокольник по-соловьиному,

Да запрыскал Сокольник по-змеиному —

Да у Добрыни конь стал подпинатиси,

А Добрыня на коне чуть жив сидит.

Отворачивал он добра коня,

Да ведь он бьёт коня нынче безвременно:

«Да уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая,

Унеси от поганого Сокольника!»

Да приезжат Добрыня ко белу шатру,

Да как встречают тут русские боғатыри,

Да говорит тут стар да таково слово:

«Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,

Почему не привёз буйну голову на востром копье?»

Говорит Добрыня таково слова:

«Уж едет паленица — не мне чета,

Не мне чета и не мне верста,

Как уж мне ведь с ним не супротивитьця!»

Как могуци плеча расходилиси,

Да ретиво сердце да разгорелоси,

Из глаз-то слезы прокатилиси:

«Верно, некем мне, старому, заменитиси!»

А скорешенько да стал срежатиси:

Да стал срезатиси да сподоблятиси,
Да надевāt-то латы он булатныя,
Да как на шею кольцугу позолочену,
Он берёт-то палицу железную,
Да он берёт-то сабельку нонь вострую,
Да он берёт копье да бурзамецкое,
Да он берёт ножіщо нонь чинжалищо.
Ему обседлывāt ноньце добрā коня,
Да кладут войлоцки, кладут на войлоцки,
Двенадцеть пряж — через хребѣтницу,
Тринадцета — через могучу степ.
Это не ради красы, да ради крепости:
Да не оставил конь на чистом полі!
Помолилса Спасу он Превышному,
Да Божьей матушки да Богородицы.
Да оне ведь дружка с дружкой распростилиси,
Да только видели — да на коня скоцил,
Да на коня вскоцил да в стремена ступил,
Как не видели да побежки лошадиной,
Как не видели поездки богатырской.
Как он ведь бьёт коня ноньче безвременно:
«Да уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая!
Догоняй поганого Сокольника
До того до города до Киёва.
Да скаци — с шёлумя, скаци — на шёлумя,
Ты с крутых-то гор да на желты пескі,
Да ты с желтых песков да на круты горы,
Да быстры реценьки да не застаивай,
Как широкие доли хвостом застилай,
Как мелкой лес промѣж ног пусти!»
Как Сокольник в поли уж шатаетце,
Да как не знать, кого он дожидаетцы.
Закрычал тут стар да громким голосом,
Да громким голосом да во всю гóлову.
Да он ведь раз вскрычал, да он другой вскрычал,
Как на третий раз Сокольник коня сдержал.
Засвистел Сокольник по-соловьиному,
Да запрыскал Сокольник по-змеиному.
Как от того свиста соловьиного,

От того прысканья змеиного
У старого конь пал на́борочь.
Говорит тут стар да таковó словó:
«Уж ты конь да конь — да лошадь добрая!
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал или прысканья змеиного,
Али слышишь ты надо мной какú невзгодушку?..»
От того от крыку бо́гатырского
Лес весь в поле расшатался,
Вершины с вершиной сплетались,
Звери в норы попрятались.
Говорит Сокольник таково слово:
«Мы таперь со старым съехались,
По добру нам будет не разъехаться!»
Вот стал отпущать он от себя зверей:
«Уж ты гой еси, серóй как волк!
Поди-тко ты ко синю́ морю́,
Ищи там хозяина поласковой,
Да как поласковой да и поприятливей.
Ты пойдь-ко, Змея, ко синю́ морю́,
Да там ищи хозяина поласковой,
Да как поласковой да поприятливей.
Да ты полети, сокол, ко синю́ морю́,
Да там ищи хозяина поласковой,
Да как поласковой да и поприятливей:
Как топерь мы с старым съехались,
Подобру нам с старым не розъехаться!»
Да ведь тут он с им съехались,
Они бились палками железныма —
Да как по рукояткам палки поломались:
Да друг дружку не ранили,
Не ранили и не кровавили.
Тот бой бросали о́ землю.
Они секли саблями вострыма —
Да как сабли все поломались,
Да поломались и пощорбались:
Да они дружка дружку не ра́нили,
Как не ранили да не кровавили.
Да они тот бой бросали ведь о́ землю.

Они тыкались копьями немецкима —
По насадкам копья у них поломалиси,
Поломалиси и выверталиси:
Дружка дружку не ранили,
Как не ранили да не кровавили.
Да уж ведь тот бой бросали о́ землю.
Они слезли нонь да со добры́х коней,
Они стали биться на рукопа́шицю.
У того Сокольника поганого
Да была подщapoцка дворянская —
Да он ведь сшиб-то старого с резвы́х-то ног.
Как ведь падал стар на сыру́ землю,
Да как заскакивал Сокольник на белы́ груді —
За волóсья рвет да и во глаза плюёт:
«Да не докуль тебе, старому, по цисту́ полю да волоцитиси!»
Он росстёгиват латы булатныи,
Да вынимат ножищо нонь чинжалищо,
Да ведь он хочет пороть у старого груди белыя,
Да как смотреть он-то его ретиво́ сердце.
Да взмолилса стар да Матушки,
Божьей Матери да Богородицы:
«Уж ты, Матушка, Пресвета ты Мать Богородиця!
Да как стоял я за церкви Божия,
Да за ту за веру православную,
А ты сдала меня поганому Издолищу на изгíленье,
Да как серым волкам на растáрзанье,
Чёрным вóронам да нонь на кúркanye!..»
Да нонь вдруг стар в себе да почувствовал —
Вдвоем-втроем силы прибыло.
Он вывёртывалса из-под Сокольника,
Да он хватал-то он его за черны́ кудри́,
Да он бросал его-то он о сыру́ землю,
Да как все ведь мелкии сустáвы повы́дробил.
Да заскакивал ему на черны́ груді,
Он росстёгивал латы булатныи,
Вынимал ножищо он чинжалищо,
Как ведь хочет пороть ему груді чёрныя,
Да ведь смотреть-то его ретиво́ сердце.
Замахнулса стар да во первой након —

В плещю рука да устояласи.

Он стал [его] допрашивать:

«Ты какого роду-ка, коего племени,

Ты какого отца, коей матери?»

А говорит Сокольник таковó словó:

«Коґда я был таперича на твоїх грудях,

Я не спрашивал ни роду, ни племени,

Не отецесьва, не молодецесьва,

Да я порол бы у тебя грúди белыя,

Смотрел бы у тебя ретивó сердцё!»

Замахнул тут старый во вторóй након —

Во локтý рука да устояласи.

Тут-то опять стар стал допрашивать:

«Ты какого рода, коего племени,

Ты какого отца, коей матери?»

Говорит Сокольник таковó словó:

«Коґда я был таперича на <т>воых грудях,

Я не спрашивал ни роду, ни племени,

Не отецесьва, не молодецесьва,

Да я порол бы у тебя грúди белыя,

Да я бы смотрел у тебя ретиво сердцё!»

Замахнулся старый во третьей након —

В кисті рука да устояласи.

(Нож совсем выпал.)

Тут опять стал допрашивать:

«Ты какого рода, коего племени,

Ты какого отца, коей матери?»

Говорит Сокольник таковы́ слова:

«Как ты стал ведь меня допрашивать,

Да как допрашивать да стал выведывать:

Я от того от мóрю от сїнего,

Да от той от девки от Ваты́горки.

Поеждял да когда да во чисто поле,

Говорила мне родна матушка:

„Не наедешь ли на русского казака

На Илью Муромца?

Он-ён будет тебе отец!”»

Он и поднял его с сырой земли и поцеловал:

«Ты будешь мне не поклёпный сын!»

Посадил его на добра коня,
А он уж не может и конём владать.
Вот они тут и розъехались.
Сокольник поехал ко синю морю,
А старый казак ко белу шатру.
Приезжал старый во белой шатёр,
А русские богатыри уехали,
Вот он ложился отдыхать.
Приезжает Сокольник ко синю морю,
Да встречает его родна матушка:
«Да уж ты не наехал ли на старого на казака?»
Говорит Сокольник таково слово:
«Да он тебя зовёт своей наложницей,
Да меня зовёт своим выб<лядком>».
Тут он и сколол матушку копьём,
Поворачивал он добра коня —
Да приезжает он ко белу шатру,
Ко белу шатру да богатырскому.
А тут стар с побоища спал.
Забегал тут Сокольник во белой шатёр,
Как ведь ткнул Сокольник во белую грудь!
Да был у старого на груди чудён ведь крест,
Да как не мал, не велик — полтора пуда.
Пробужал тут стар от крепкого сну,
Выбежал он на улицу широкую —
Как садится Сокольник на добра коня...
Тут стар его по руки и ноги и рзорвал.
Тут Сокольнику смерть случилась.

(Зап. А. М. Астаховой 30 июня 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.